нового духа, как «предубеждение»[26] и «добродетель» (в секуляризованном, новом понимании этого слова). При всей близости к Феофану Прокоповичу, издатель «Всякой всячины», однако, не разделяет его типичный для Петровской эпохи полемический задор; обнаруживая терпимость в разговоре с инакомыслящими, он «почитает» «примечания стариков», однако думает, что если они «прочтут наши листья без преубеждений, то найдут в них душеполезныя наставления и посреди забавы для того, что мы объявили войну порокам, а добродетель мы везде стараемся прославить Что же на свете быть может полезнее душе, как добродетель? и добродетель в веселой еще одежде?» (163).

В моралистических журналах нравоучительная функция реализуется уже не в духе характерной для древнерусской культуры серьезности, а с веселой улыбкой. И в этом отношении моралистические журналы конкурируют с духовными книгами допетровского прошлого, и эта конкуренция была тем более перспективной, что только они, моралистические журналы, были в состоянии помочь человеку ориентироваться в жизни «новой» России.[27] Таким образом, в последней трети XVIII в. еще не утихла культурная борьба Петра I, причем православная церковь, окончательно лишаясь своей традиционной монополии нравоучения, еще больше вытесняется на периферию современной культуры. Со своим нравоучением нового типа журналы Екатерины II и Новикова близки не только к проповедям Феофана Прокоповича, но и к таким «профанным» произведениям, как «Юности честное зерцало» и сатиры Кантемира. Своеобразный эквивалент французского «honnête homme» и английского «gentleman», «честный человек» просвещенной России должен демонстрировать добродетель как в гражданской, так и в личной сфере, не забывая при этом и правила западноевропейской благовоспитанности. Этот последний пункт особенно подчеркивается издателем «Всякой всячины», с неодобрением говорящим о «молодых девушках», которые «чулков не вытягивают, а когда сядут, тогда ногу на ногу кладут, чрез то подымают юпку так высоко, что я сие приметить мог, а иногда и более сего» (156); кроме того, редактор критически отзывается о «пивунах», т. е о тех, которые, находясь в обществе, пьют слишком много разных напитков, «например

---

[26] Это слово отсутствует у И И Срезневского Ср *Фасмер М* Этимологический словарь русского языка М , 1971 Т 3 С 357, где находим лишь слово «предрассудок» (в качестве кальки из фр préjugé)

[27] Аналогичная ситуация существует в Германии первой половины XVIII в , где моралистические журналы подвергаются ожесточенной полемике со стороны приверженцев традиционного протестантизма (*Martens W* Die Botschaft der Tugend S 142 и сл , S 171 и сл) конфликт с религиозной традицией является общей чертой раннего европейского Просвещения, причем весь вопрос заключается в том, в какой мере официальные церкви идентифицируются с этой традицией